

ную цѣну—всего 12 р. серебр. Вскорѣ, однако, цѣну эту пришлось поднять до 20 руб.

Такого успѣха, на какой рассчитывалъ Вольфъ и какое предвѣшали изданію его друзья, новое изданіе «Memento» не имѣло, и прошло много лѣтъ, пока оно окупилось. Но уже въ семидесятыхъ годахъ оно стало большою рѣдкостью, и антикваріи спрашивали за полные экземпляры по 100 и больше рублей. А теперь оно совершенно исчезло изъ продажи даже у антикваріевъ.

ПЕТРОГРАДСКІЕ ДРУЗЬЯ И ПОКЛОННИКИ МИЦКЕВИЧА. Очеркъ С. Ф. ЛИБРОВИЧА. * * * * *

Въ приемной министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова при его канцеляріи въ Петроградѣ въ октябрѣ 1824 года собралось нѣсколько молодыхъ педагоговъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ прибывшихъ въ столицу изъ Вильны.

Министръ, пригласивъ ихъ всѣхъ въ свой кабинетъ, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Господа, по доставленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, вы принадлежали къ существовавшему въ Вильнѣ тайному, не разрѣшенному правительствомъ обществу филоматовъ и подъ видомъ литературныхъ бесѣдъ занимались преступною политическою дѣятельностью. Государю Императору угодно было согласиться съ мнѣніемъ мѣстной администраціи, признавшей, что ваше дальнѣйшее пребываніе въ Литвѣ вредно, и я получилъ предписаніе назначить васъ на службу въ Россію, что, конечно, будетъ мною исполнено. Но я постараюсь при этомъ, насколько возможно, удовлетворить ваши личныя желанія относительно мѣста дальнѣйшей вашей службы и разрѣшаю вамъ сообщить, гдѣ именно каждый изъ васъ хотѣлъ бы служить. Потрудитесь подать мнѣ объ этомъ письменное заявленіе.

Сказавъ это, министръ слегка кивнулъ головою, давъ понять, что аудіенція окончена.

Молодые педагоги остались вполнѣ довольны пріемомъ. Они ожидали худшаго. Всѣ они, дѣйствительно, принадлежали къ обществу филоматовъ въ Вильнѣ и хотя пытались доказать, что это общество политическихъ цѣлей не преслѣдовало, ихъ арестовали, содержали въ тюрьмѣ въ Вильнѣ и однихъ приговорили къ заключенію въ крѣпости,

другихъ къ высылкѣ въ отдаленныя губерніи, остальныхъ—къ переводу на службу въ Россію. Въ числѣ послѣднихъ былъ преподаватель ковенской гимназіи, молодой 26-лѣтній Адамъ Мицкевичъ, въ то время начинающій, но уже пользовавшійся извѣстностью, польскій поэтъ, авторъ «Гражины», «Оды къ молодости», первой части «Дзядзовъ» (Поминокъ) и др.

Вмѣстѣ съ другими ему, по освобожденіи изъ тюрьмы, приказано было ѣхать въ Петроградъ представляться министру народнаго просвѣщенія и ждать его дальнѣйшихъ приказаній.

Пользуясь даннымъ министромъ разрѣшеніемъ, Мицкевичъ съ двумя другими, ближайшими своими товарищами, Ежовскимъ и Малевскимъ, выбралъ мѣстомъ службы Одессу и заявилъ желаніе преподавать въ Ришельевскомъ лицѣ. Получивъ на дорогу пособіе по 300 руб. асс., молодые педагоги отправились въ путь. Но въ Одессѣ, вскорѣ по ихъ пріѣздѣ, полученъ былъ приказъ, которымъ имъ воспрещалось пребываніе во всѣхъ южныхъ губерніяхъ и предоставлялось избрать какое-нибудь другое мѣсто жительства. Мицкевичъ выбралъ Москву и уѣхалъ туда въ ноябрѣ 1825 года, предварительно хлопотавъ надлежащее разрѣшеніе на пріѣздъ и обѣщаніе, что онъ будетъ принятъ на службу въ канцелярію генераль-губернатора кн. Голицына.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, Мицкевичъ рѣшилъ приступить тамъ къ печатанію книжки своихъ сонетовъ. Цензурованіе этихъ сонетовъ было поручено проф. Каченовскому, который обратилъ вниманіе на свѣжій, молодой талантъ польскаго поэта и познакомилъ Мицкевича съ Н. А. Полевымъ и нѣсколькими другими русскими писателями, до которыхъ уже успѣли дойти слухи изъ Польши о пріобрѣтенной Мицкевичемъ славы. Всѣ они отнеслись къ молодому поэту съ большимъ сочувствіемъ. Вскорѣ затѣмъ у Мицкевича появилась рѣчная поклонница таланта въ лицѣ знаменитой княгини Зинаиды Волконской, урожденной княжны Бѣлосельской. Мицкевичъ сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ и почетнѣйшихъ гостей на устраиваемыхъ княгинею вечерахъ и познакомился тамъ съ временно находившимся въ то время въ Москвѣ Пушкинымъ, съ братьями Кирѣевскими, Баратынскимъ, Шевыревымъ, Соболевскимъ, Хомяковымъ и др. русскими писателями и учеными, а

также со многими представителями московской аристократии.

Всѣ они—въ особенности, однако, Пушкинь—высоко цѣнили талантъ Мицкевича, восторгались его стихами и импровизациями, считали его крупнымъ поэтомъ, баловали его и старались ему всячески угодить.

И когда Мицкевичъ въ концѣ 1827 года пріѣхалъ изъ Москвы въ Петроградъ—его имя уже гремѣло въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы, какъ русскихъ, такъ и польскихъ, и молодого поэта приняла съ распростертыми объятями.

«Земляки, живущіе въ столицѣ и пріѣзжіе, — писалъ Мицкевичъ своему другу Томъ Зану 3 апрѣля 1828 г., — устроили мнѣ роскошную кутю; импровизации, пѣніе и т. д. напоминали мнѣ увеселенія юношескихъ лѣтъ. Затѣмъ посыпались ежедневныя приглашенія то туда, то сюда, и время прошло довольно пріятно... Я познакомился въ столицѣ съ русскими литераторами: Жуковскимъ, Козловымъ и т. д., и нѣкоторые изъ нихъ отнеслись ко мнѣ съ искреннимъ расположеніемъ...»

О радушномъ приемѣ, оказанномъ Мицкевичу въ Петроградѣ, свидѣтельствуемъ также другъ поэта Одынецъ въ письмѣ къ Игнатию Ходзькѣ отъ 28 февраля 1828 г. «Въ Петербургѣ, — пишетъ Одынецъ, — поляки и русскіе съ одинаковымъ прииманіемъ его (Мицкевича) восторгомъ и обожаніемъ. Лучшіе художники нишутъ его портреты, а скульпторъ академіи художествъ Соколовъ сдѣлалъ его бюстъ изъ мрамора».

Бюстъ Соколова остался, однако, неразъсканнымъ, несмотря на тщательныя поиски, сдѣланные изслѣдователемъ портретовъ Мицкевича Леопольдомъ Мейетомъ. Художникъ Соколовъ, о которомъ идетъ рѣчь, это тотъ самый Павелъ Соколовъ, который лѣпилъ знаменитую «Молочницу» въ царско-

сельскомъ паркѣ и удостоенъ былъ званія академика за бюстъ Дмитріевскаго.

Изъ польскихъ художниковъ, писавшихъ портреты Мицкевича во время его пребыванія въ Петроградѣ, извѣстны Ваньковичъ (воспитанникъ академіи художествъ, которую онъ окончилъ съ золотою медалью) и Олешкевичъ. Съ портрета Ваньковича знаменитый А. О. Орловскій написалъ пастель, которую самъ Мицкевичъ подарилъ Н. А. Полевому. Пастель эта находилась на Пушкинской выставкѣ 1880 года въ числѣ портретовъ современниковъ и друзей Пушкина *).

Въ запискахъ Кеенофонта Полевого сохранилось очень интересное описаніе наружности Мицкевича, относящееся ко времени пребыванія поэта въ Петроградѣ. По словамъ Полевого, наружность Мицкевича была истинно прекрасна. Черные, выразительные глаза; роскошные черные волосы; лицо съ яркимъ румянцемъ; довольно длинный носъ, признакъ остроумія; добрая улыбка, часто являвшаяся на его лицѣ, постоянно выражавшемъ задумчивость, — таковъ былъ Мицкевичъ въ обыкновенномъ спокойномъ расположеніи духа; но когда онъ одушевлялся разговоромъ, глаза его

воспламенялись, физиономія принимала новое выраженіе, и онъ бывалъ въ эту минуту увлекателемъ, очаровывая при томъ своею рѣчью, умною, отчетливою, блистательною, несмотря на то, что въ кругу русскихъ онъ обыкновенно говорилъ по-французски **).

Цѣль пріѣзда Мицкевича въ Петроградъ въ 1827 году была двоякая: во-первыхъ, онъ привезъ съ собою написанную въ

Е. Н. Чириковъ въ походной формѣ.

Писатель, какъ извѣстно, находится на войнѣ въ качествѣ военнаго корреспондента и завѣдующаго однимъ изъ передовыхъ отрядовъ Краснаго Креста.

*) См. статью мою «Русскіе портреты Пушкина». Новь. 1890. № 21.

**) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого, составленныя братомъ его К. Полевымъ. С.-Петербургъ. 1861 г.

Москвѣ поэму «Валленродъ», которую рѣшили печатать въ Петроградѣ (такъ какъ въ Вильнѣ или Варшавѣ, по цензурнымъ условіямъ печатать было нельзя); и во вторыхъ—онъ хотѣлъ похлопотать лично о разрѣшеніи ему издывать періодическое изданіе на польскомъ языкѣ подъ названіемъ «Iris», которое предполагалъ посвятить литературѣ, философіи и поэзіи *). Но министръ отказалъ ему въ послѣднемъ, ничѣмъ не мотивируя своего отказа. Что же касается «Конрада Валленрода», то его удалось счастливо провести чрезъ цензуру и напечатать.

Во время пребывания своего въ Петроградѣ Мицкевичъ написалъ одно только произведеніе «Фарысь». Къ этому періоду его жизни и вполне относятся слова, написанныя имъ въ Москвѣ: «Я лѣнюсь, хотя читаю и думаю много». Зато онъ часто импровизировалъ на вечерахъ и, между прочимъ, въ сочельникъ 1827 года, на предложенный Н. Малиновскимъ сюжетъ, въ два часа импровизовалъ цѣлую историческую драму «Самуиль Зборовскій», текстъ которой, однако, не былъ никѣмъ записанъ. Кромѣ того, во время пребывания въ Петроградѣ Мицкевичемъ была написана надѣлавшая много шума рѣзкая статья о варшавскихъ критикахъ и рецензентахъ, осуждавшихъ новую школу польскаго романтизма.

Окончивъ печатаніе «Конрада Валленрода», Мицкевичъ, въ февралѣ 1828 года возвратился въ Москву, но этотъ разъ не надолго: въ апрѣлѣ онъ, получивъ разрѣшеніе переѣхать на постоянное жительство въ Петроградъ, и дружески распрощавшись съ московскими литераторами, устройшими ему прощальный вечеръ и поднесшими серебряный кубокъ съ вырѣзанными на немъ именами, уѣхалъ опять въ Петроградъ, гдѣ тотчасъ же получилъ рядъ приглашеній въ разные аристократическіе дома. Между прочимъ, 16 мая онъ, вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ, кн. П. А. Вяземскимъ и другими присутствовалъ у графини Лаваль, гдѣ Пушкинъ читалъ «Бориса Годунова».

Напечатанный въ Петроградѣ «Конрадъ Валленродъ» былъ встрѣченъ какъ важное литературное событіе, не только многочисленнымъ тогда въ столицѣ польскимъ обществомъ, но и русскими интеллигентными

кружками. Пушкинъ, восхищенный поэзіею польскаго поэта, перевелъ изъ нея отрывокъ («Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ...»), а Полевой въ своемъ журналѣ «Моск. Телеграфъ» успѣшилъ напечатать всю поэму въ прозаическомъ переводѣ.

Петроградская цензура, пропустившая поэму, навлекла на себя упреки со стороны попечителя виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцева. Въ своемъ донесеніи великому князю Константину Павловичу, въ то время главнокомандующему литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, Новосильцевъ утверждалъ, что поэма Мицкевича «учитъ питать скрытую вражду, притворную преданность и т. д.». А. Булгаринъ, написавшій о «Конрадѣ Валленродѣ» сочувственную библиографическую замѣтку, получилъ замѣчаніе *).

Во время своего пребывания въ Петроградѣ Мицкевичъ еще больше сблизился и подружился съ Пушкинымъ.

Еще въ Москвѣ Пушкинъ плѣнялся поэтическимъ талантомъ, импровизаторскимъ даромъ и остроуміемъ польскаго поэта; Мицкевичъ въ свою очередь находилъ Пушкина остроумнымъ и пылкимъ, съ чистыми и возвышенными понятіями о поэзіи.

Воспоминаніемъ о дружескихъ отношеніяхъ Мицкевича и Пушкина осталось стихотвореніе перваго изъ нихъ п. з. «Памятникъ Петра Великаго», начинавшееся слѣдующими строками: «Вечеромъ подъ дождемъ стояли два юноши подъ однимъ плащомъ, взявшись за руки; одинъ былъ пилигримъ, пришелецъ съ Запада, неизвѣстная жертва злой судьбы; другой былъ поэтъ русскаго народа, прославившійся пѣснями на всемъ сѣверѣ. Знакомы они были недолго, но тѣсно, и уже нѣсколько дней были друзьями. Ихъ души выше земныхъ преградъ, какъ двѣ родственныя альпійскія вершины, которыя хотя и разорваны на вѣки струею потока, едва слышать шумъ своего врага, склоняя другъ къ другу поднебныя вершины».

Кромѣ того Мицкевичъ перевелъ на польскій языкъ пушкинское «Воспоминаніе».

Пушкинъ относился къ Мицкевичу съ большимъ уваженіемъ и искренней симпатіей, слѣды которой онъ оставилъ въ извѣстномъ стихотвореніи, написанномъ въ 1834 г.

..... Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы

*) См. письмо Малевскаго къ Лелевелю въ русскомъ изданіи сочиненій Мицкевича подъ ред. П. Н. Полевого, т. IV, стр. 265.

*) См. объ этомъ въ «Собраніи сочиненій Пушкина» подъ ред. С. Венгерова, т. IV. Примѣчанія стр. XLIX.

Въ душѣ своей къ намъ не питаль онъ мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ намъ
Дѣлялись мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся... и т. д.

Кромѣ того, у Пушкина имѣются намеки на Мицкевича въ «Дубровскомъ» и въ отрывкахъ изъ путешествія по Крыму Онѣгина *). Пушкинъ же переводилъ двѣ баллады Мицкевича: «Воевода» и «Будрысь».

Во время пребыванія въ Петроградѣ Мицкевичъ постоянно вращался въ лучшихъ домахъ польской колоніи. Особенно онъ сблизился съ домою знаменитой, пользовавшейся европейскою славою, пианистки Марии Шимановской, съ которой онъ познакомился въ Москвѣ и на дочери которой онъ впоследствии женился.

Изъ числа представителей польской колоніи въ Петроградѣ больше другихъ сошелся Мицкевичъ съ Іосифомъ Олешкевичемъ. По профессіи это былъ художникъ-живописецъ, но самъ Мицкевичъ, въ большомъ стихотвореніи, ему посвященномъ, (оно присоединено къ отрывкамъ при третьей части «Дядювъ» въ польскомъ изданіи сочиненій поэта) говорить, что «вѣрнѣе его считать гусяромъ, ибо давно онъ отвыкъ отъ красокъ и кисти и только изучаетъ Библию и Кабалу и даже говорятъ, что онъ разговариваетъ съ духами».

Тѣ краткія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ Олешкевичѣ, рисуютъ его какъ «человѣка «не отъ міра сего». Рьяный масонъ, усердно проповѣдывавшій любовь къ человечеству, мечтавшій объ облагороженіи людей и объединеніи ихъ на началахъ братской любви, равенства, взаимопомощи и вѣрности, человекъ, ставившій своею цѣлью борьбу противъ упадка нравственности и посильную помощь всемъ нуждающимся ближнимъ, и притомъ выдающійся ораторъ, умѣвшій убѣждать своихъ слушателей, Олешкевичъ напелъ въ Мицкевичѣ какъ разъ слушателя, который охотно внималъ пламеннымъ его рѣчамъ. И если Мицкевичъ самъ не сталъ масономъ и не вступилъ въ существовавшую въ его время въ Петроградѣ польскую масонскую ложу, то это, вѣроятно, объясняется лишь тѣмъ, что онъ пріѣхалъ въ Петроградъ на

короткое время, между тѣмъ какъ вступленіе въ ложу было обставлено всегда продолжительными испытаніями. Но «ученіе», которое проповѣдывалъ Олешкевичъ, несомнѣнно, запало въ душу молодого поэта и, какъ надо полагать, не могло остаться безъ вліянія на него въ теченіе послѣдующей жизни поэта *).

Между тѣмъ личность Олешкевича далеко не изучена до сихъ поръ. О ней имѣются, правда, свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ Домейко и Малиновскаго и въ «Словарѣ польскихъ художниковъ - живописцевъ», составленномъ графомъ Раставецкимъ, но тамъ говорится объ Олешкевичѣ только какъ о художникѣ и благотворителѣ. Олешкевичъ же, какъ уже упомянуто, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ очень видныхъ масоновъ, членомъ польской масонской ложи Бѣлаго Орла въ Петроградѣ. Поэтому особенный интересъ должны предста-

ОБРАЗЦЫ НОВѢЙШИХЪ ВИБЛИОТЕЧНЫХЪ ЗНАКОВЪ: Ex-libris с. в. ФАРФОРОВСКАГО.

вить тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились о немъ именно, какъ о дѣятельномъ масонѣ **).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ человекѣ, съ которымъ судьба свела Мицкевича въ Петроградѣ, а именно объ извѣстномъ ориенталистѣ и беллетристѣ Сенковскомъ (баронѣ Брамбеусѣ). Мицкевичъ сначала поддерживалъ знакомство съ нимъ, но затѣмъ охладѣлъ къ нему и сталъ избѣгать, считая его опаснымъ для польскихъ интересовъ человекѣмъ.

Въ Петроградѣ Мицкевичъ пробылъ до конца 1828 года и здѣсь началъ хлопотать относительно полученія разрѣшенія на выѣздъ за границу, съ цѣлью осуществить дав-

*) Объ этомъ, между прочимъ, дважды упоминаетъ Мякотинъ въ своей біографіи Мицкевича.

**) Этими свѣдѣніями общааетъ любезно поделиться съ читателями «Вѣстн. Литературы» извѣстная исследовательница русскаго масонства Т. О. Соколовская.

*) См. Чуйко. Адамъ Мицкевичъ. «Извѣстія» 1899.

нишнюю свою мечту— совершить путешествіе въ классическую страну искусства, Италію. Но хлопоты, несмотря на помощь пріятелей и покровителей, долго не приводили къ желанному результату. А между тѣмъ пребываніе въ Петроградѣ стало уже тяготѣть Мицкевичу. «Я такъ усталъ, такъ мнѣ надоѣло здѣшнее пребываніе,— писалъ онъ Бонавентурѣ Залескому, въ августѣ 1828 года,— что если черезъ мѣсяць ничего не устроится (письмо помѣчено 20 августа), то я вернусь въ Москву и буду тамъ ожидать какой-нибудь развязки. Постоянная неопредѣленность положенія, хотя и продолжающаяся уже такъ долго, все-таки надоѣдаетъ, и трудно къ ней привыкнуть; вотъ почему я не чувствую охоты избрать себѣ какую-нибудь работу и искренно посвятить себя ей...»

Въ началѣ 1829 года Мицкевичъ уѣхалъ опять въ Москву, но не надолго. Получивъ послѣ многихъ хлопотъ разрѣшеніе на выѣздъ за границу, онъ весною спѣшитъ въ Петроградъ и 13 мая 1829 года моремъ, чрезъ Кронштадтъ, уѣзжаетъ въ Любекъ, а оттуда въ Дрезденъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Мицкевичъ опять встрѣчается съ пріѣхавшимъ туда Пушкинымъ и, между прочимъ, вмѣстѣ съ нимъ, А. Н. Верстовскимъ, С. Т. Аксаковымъ, Щепкинымъ, А. С. Хомяковымъ и др. участвуетъ въ завтракѣ у М. П. Погодина *).

Изъ письма Малевскаго къ Мицкевичу видно, что его отъѣздъ вызвалъ слезы у его друзей и въ семьѣ Шимановской. «Напрасно я говорилъ, что такъ плакать по уѣзжающимъ не годится, что это значитъ не вѣрить въ безсмертіе души, но все это,— заявляетъ Малевскій, — не помогаетъ, и плачущіе не унимаются...»

Послѣ этого Мицкевичъ уже не возвращался больше ни на родину свою, ни въ Россію.